

Японские исследования. 2018. № 4. С. 78–91.

Japanese Studies in Russia, 2018, 4, pp. 78–91.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии

А.Н. Панов, В.В. Нелидов

Аннотация. В статье рассматривается специфика внешнеполитического курса Японии в свете современной ситуации в Северо-Восточной Азии, претерпевающей существенные изменения в связи с ослаблением роли США, подъёмом экономической и политической мощи Китая, а также обострением целого ряда региональных противоречий и конфликтов. В этих условиях японское руководство предпринимает ряд шагов в военно-политической сфере, служащих наглядным свидетельством всё более активного характера японского внешнеполитического курса.

С точки зрения Японии, главными угрозами её национальной безопасности являются, прежде всего, «фактор Китая» и «угроза со стороны КНДР». Первый, в значительной степени, связан с обострением японо-китайского территориального спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао, и это вынуждает Японию как наращивать собственную военную мощь, так и прикладывать усилия для укрепления сотрудничества с Соединёнными Штатами и, потенциально, другими региональными государствами. Однако территориальный спор является лишь открытым выражением более глубоких противоречий, так или иначе затрагивающих весь спектр японо-китайских отношений, что, впрочем, не мешает Японии искать в то же время и пути налаживания добрососедских отношений с КНР. При этом территориальный вопрос и проблемы исторического прошлого омрачают не только японо-китайские, но и японо-южнокорейские отношения. Предпринимаемые Японией меры для защиты от «угрозы со стороны КНДР», выражаются, главным образом, в проведении жёсткой линии по вопросу об антисеверо-корейских санкциях и решении корейской ракетно-ядерной проблемы, усилиях по решению проблемы похищенных японских граждан, а также, если говорить о военной политике, в развитии национальной системы ПРО.

В то же время с Россией отношения в военно-политической сфере развиваются, в целом, в добрососедском ключе. Хотя отдельные проблемные моменты и сохраняются, на официальном уровне Япония не считает Россию угрозой для себя и выступает за поддержание широких контактов между Москвой и Токио в этой сфере.

Ключевые слова: внешняя политика, военная политика, военно-политическая ситуация, Северо-Восточная Азия, Силы самообороны Японии, японо-американский союз.

Авторы:

Панов Александр Николаевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Нелидов Владимир Владимирович, преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД России, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Japan's foreign policy in the context of military-political situation in North East Asia

A.N. Panov, V.V. Nelidov

Abstract. The article considers the specific features of Japan's foreign policy course in the light of the present situation in North East Asia, which is undergoing substantial change due to the weakening of the role of the United States, the rising economic and political power of China, as well as the aggravation of a number of regional contradictions and conflicts. In these circumstances, Japanese leadership takes several steps in the military-political field, serving testament to the Japanese foreign policy course becoming increasingly active.

From Japan's point of view, the main threats to its security are, first and foremost, "the China factor" and "the threat from the DPRK". The former is caused, to a large extent, by the exacerbating Japan-China territorial dispute around the Senkaku/Diaoyu islands, which forces Japan both to upgrade its military might and to expend efforts in order to strengthen its cooperation with the United States and, potentially, other regional nations. However, the territorial dispute is but a manifestation of deeper contradictions, in this way or another affecting the entire spectrum of Japan-China relations, even though this does not prevent Japan from seeking ways to develop friendly relations with the PRC. Meanwhile, the territorial issue and the problems of historical past mar not only Japan-China, but only Japan-South Korea relations. Japan also takes measures to defend itself from "the threat from the DPRK", which is expressed, largely, in its strict policy regarding the anti-DPRK sanctions and the resolution of the Korean missile and nuclear issues, its efforts to resolve the problem of abducted Japanese citizens, and also, in the field of military policy, in the development of a national missile defense system.

At the same time, Japan's relations with Russia in the military-political field develop largely in a good-neighborly fashion. While certain problematic issues remain, officially, Japan does not see Russia as a threat and advocates the maintenance of broad contacts between Moscow and Tokyo in this field.

Keywords: foreign policy, military policy, military-political situation, North East Asia, Japan Self-Defense Forces, Japan-U.S. alliance.

Authors:

Panov Alexandr N., Doctor of Sciences (Political), Professor; Head of the Department for Diplomatic Studies of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Chief Research Fellow of the Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences; Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Nelidov Vladimir V., Lecturer, Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Research Fellow of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Современная обстановка в Северо-Восточной Азии (СВА), регионе, который включает Россию, Китай, США, Японию, Республику Корея и КНДР¹, находится под воздействием стремительно разворачивающихся глобальных процессов, связанных с формированием

¹ Монголия находится в географической сфере СВА, однако по причине малого политического, экономического и военного влияния, как правило, в исследованиях региональных проблем не фигурирует.

новой расстановки сил на мировой арене, а также всё чаще обостряющимися «местными проблемами», в число которых входят ситуация на Корейском полуострове, территориальные споры, торгово-экономические противоречия. В связи с этим актуальной как с научной, так и с практической точек зрения, задачей представляется оценка внешнеполитических приоритетов и перспектив Японии как одного из ведущих игроков СВА в свете указанных международно-политических процессов.

Многие из тенденций, характеризующих нынешнюю обстановку в СВА, в полной мере проявились лишь в последнее время. Ещё в 90-е годы XX века и начале XXI века обстановка в СВА и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в целом, хотя изредка и испытывала негативное воздействие ряда кризисов и противоречий, связанных с тайваньской проблемой, началом КНДР разработки ядерного оружия, территориальными спорами в Южно-Китайском море, однако в основном характеризовалась отсутствием острых столкновений между державами региона и концентрацией на вопросах регионального экономического развития, включая разноплановые тенденции торгово-экономической интеграции.

В первое время после окончания холодной войны в СВА установилась определённая стабильность. Лидирующие позиции обеспечивали США, опиравшиеся на свои военно-политические союзы с Японией и Республикой Корея. Китай только начинал своё бурное экономическое развитие и поиски своего места в региональной политике. При этом серьёзное значение придавалось формированию нового типа отношений с демократической Россией, которая, в свою очередь, искала опору своей политике на Дальнем Востоке и всё более видела её в развитии дружеских отношений с Китаем.

КНДР после того, как Россия отказалась следовать курсу Советского Союза на оказание поддержки в обеспечении её безопасности, и на фоне установления Москвой и Пекином дипломатических отношений с Сеулом, в то время как Вашингтон и Токио продолжали политику непризнания Пхеньяна, почувствовала себя в ущемлённой, уязвимой позиции и приступила к развертыванию программы создания ракетно-ядерного оружия. Однако эта программа не предполагала быстрых результатов в силу экономической слабости КНДР, и потому возможная угроза обладания Пхеньяном ядерным оружием учитывалась соседними странами, но кризисной остроты не имела.

Периодически обострялись, но в рамках традиционных противоречий, территориальные споры вокруг проблемы «северных территорий» в российско-японских отношениях, островов Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) между Китаем и Японией, японо-южно- и северокорейский спор по поводу принадлежности островов Такэсима (кор. Токто), противоречия Китая с рядом стран по поводу принадлежности атоллов и отмелей в Южно-Китайском море, а также ситуация вокруг Тайваня.

На настоящее время расстановка сил в Северо-Восточной Азии изменилась, и «однополярный момент» – ситуация, которую впервые охарактеризовал этим термином в 1990 г. американский автор Чарльз Краутхаммер в одноимённой статье в журнале *Foreign Affairs* [Krauthammer, 1990] – закончился куда быстрее, чем ожидали многие. Китай по своему воздействию на региональную политику и региональные страны не только сравнялся с США, но всё более претендует на лидирующие позиции. Сформировалось китайско-российское взаимодействие в политической, экономической и военной сферах, ставшее весомым фактором не только региональной, но и глобальной политики.

США, в свою очередь, пытаются не допустить ослабления своей роли в делах СВА, наращивают военное присутствие в АТР, укрепляют, модернизируют, приспособливают к новым реалиям свои союзы с Японией и Южной Кореей, которые, в свою очередь, во всё большей степени начинают учитывать в своей стратегии китайский фактор.

Токио, опасаясь возможности объединения Москвы и Пекина на антияпонской основе, пошёл на серьёзное улучшение отношений с Россией, фактически не поддержав на практике антироссийскую политику санкций, проводимую США и государствами Западной Европы.

Сеул начал искать пути улучшения отношений с Пекином. КНДР, произведя серию испытаний ядерного и ракетного оружия, объявила себя ядерной державой. В результате в 2017–2018 гг. обстановка на Корейском полуострове резко обострилась и была поставлена на грань развёртывания военных действий. Хотя в результате многоходовой политико-дипломатической активности вовлечённых в кризис государств удалось достичь снижения напряжённости на Корейском полуострове, проблемы, породившие кризис, остаются далекими от разрешения.

Таким образом, в СВА выявились две группы государств, которые, официально не заявляя об этом, стремятся, тем не менее, обеспечить себе лидирующие позиции в определении вектора развития военно-политической и экономической обстановки в регионе. Это США и их военно-политические союзники Япония и Республика Корея, с одной стороны, а с другой Китай и Россия, объявившие о наличии между ними всеобъемлющего стратегического партнёрства. К последним примыкает и КНДР, связанная особо тесными отношениями с Китаем, с которым она имеет договор военно-союзного значения.

Примечательно, что, хотя в такой расстановке сил и имеются «центральные игроки» – США и Китай, другие государства обладают возможностями действовать в отношении ряда региональных проблем и связей с другими странами самостоятельно, соблюдая в то же время определённую степень координации с «генеральной линией Центра». Так, президент РК Мун Чже Ин в период, когда администрация президента США Д. Трампа развёртывала политику жёсткой изоляции и санкций в отношении КНДР, предпринял шаги к налаживанию связей с северокорейским руководством и даже провёл беспрецедентную встречу с Ким Чен Ыном в Пханмунджоме. Премьер-министр Японии Абэ Синдзо, вопреки заявлению президента США Б. Обамы, развернувшего курс на политическую изоляцию России и проведение антироссийской санкционной политики, пошёл на активное развитие отношений с Москвой. Упорно «независимую» политику в связи со своей ракетно-ядерной программой долгое время демонстрировал Пхеньян, хотя в конечном итоге он оказался вынужден под давлением санкций и «советов» Пекина пойти на уступки, ограничив свои ядерные амбиции.

Таким образом, страны Северо-Восточной Азии имеют разноплановые цели и интересы как стратегического, так и тактического характера, и всё более делают акцент на достижение их, опираясь не только на экономический, но и военный потенциал.

Подобная региональная военно-политическая обстановка ведёт к тому, что политическое руководство Японии в лице правящей Либерально-демократической партии и прежде всего её председателя С. Абэ, возглавляющего правительство с 2012 г. и по итогам состоявшихся в сентябре 2018 г. выборов председателя партии получившего реальную возможность пробыть на своём посту до 2021 г., став таким образом самым «долгоживущим» главой правительства за всю новую историю Японии, исходит из того, что внешнеполитическая обстановка вокруг Японских островов складывается неблагоприятно с точки зрения

обеспечения безопасности страны и, более того, продолжает ухудшаться. Что же касается конкретных вызовов, то как в заявлениях японского руководства, так и в ключевых программных документах военной политики Японии (среди которых можно назвать принятые в 2013 г. «Стратегию национальной безопасности» [Кокка андзэн...] и «Руководящие принципы национальной обороны на период с 2014 ф.г.» [Хэйсэй 26 нэндо...]), в качестве ключевых угроз национальной безопасности указываются, прежде всего, «фактор Китая» и «угроза со стороны КНДР».

На китайском направлении главные проблемы, с точки зрения Токио, связаны с тем, что в результате стремительного наращивания своей экономической мощи и военного потенциала КНР всё более напористо продвигает свои интересы в регионе, стремясь обеспечить себе в нём доминирующие позиции. При этом идёт вытеснение японского присутствия, прежде превалировавшего в экономике и на рынках стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Но, что более всего беспокоит Токио, осуществляется целенаправленный курс на формирование «морского пояса безопасности» китайской территории на дальних подступах к ней, в связи с чем обостряются территориальные споры Пекина с соседними государствами, включая Японию. Решённым считали в Японии вопрос о принадлежности островов Сэнкаку, когда по японо-американскому соглашению 1972 г. США возвратили Японии административные права на архипелаг Нансэй (включая эти острова), которым они управляли после Второй мировой войны. Однако КНР охарактеризовала эту передачу как «грубое нарушение суверенитета Китая», поскольку эти острова, по-китайски называемыеся Дяоюйдао, «исторически и юридически всегда принадлежали Китаю» [Панов, 2014, с. 511–523].

Споры между Токио и Пекином по поводу принадлежности Сэнкаку начали обостряться со второго десятилетия XXI века, когда вокруг островов активизировалось противостояние, связанное с демонстративным входом китайских судов и самолетов в территориальные воды и воздушное пространство над островами. Японское правительство предприняло ряд мер по «защите своей территории». В районе островов были дополнительно размещены сторожевые корабли Управления безопасности на море, усилено слежение за передвижением китайского флота в Восточно-Китайском море, для чего Силы самообороны Японии (ССЯ) расширили сеть военных баз на островах вблизи от юго-западных морских рубежей страны, были сформированы десантные подразделения, готовые высадиться на острова в случае попыток занятия их Китаем. Заслуживает внимания тот факт, что в заявлениях официальных лиц и программных документах японской стороны проблема Восточно-Китайского моря нередко упоминается в единой связке с проблемой Южно-Китайского моря – территориальным спором, в который Токио не вовлечён непосредственно, но в котором он однозначно выступает против территориальных притязаний Пекина, расценивая их, как и в случае с Восточно-Китайским морем, как «односторонние попытки изменить статус-кво» [Гордеева, 2017, с. 99].

Кроме этого, японское руководство и лично премьер-министр С. Абэ настойчиво добивались и продолжают добиваться подтверждения сначала президентом США Б. Обамой, а затем и президентом Д. Трампом того, что острова Сэнкаку подпадают под действие японо-американского «договора безопасности», согласно которому в случае нападения на японскую территорию американские вооруженные силы будут защищать их совместно с

японскими Силами самообороны. Однако США, признавая административный контроль Японии над островами Сэнкаку, тем не менее высказываются за то, чтобы эта территориальная проблема между Токио и Пекином была решена мирным переговорным путём. Вашингтон явно не заинтересован быть вовлечённым в потенциальный японо-китайский вооружённый конфликт.

И хотя на данный момент и Токио, и Пекин стараются не доводить кризис до «крайнего уровня» и вооружённых инцидентов даже малой степени, проблема островов Сэнкаку в наиболее открытой форме отражает более глубокие противоречия между Японией и Китаем, так или иначе оказывающие влияние на весь комплекс двусторонних отношений. Заключив с Пекином в 1978 г. Договор о мире и дружбе, Токио предпринял немалые усилия к созданию в китайском руководстве благожелательного отношения к Японии, к тому, чтобы «загладить вину» за агрессию против Китая в 30-е – 40-е годы XX в. КНР была предоставлена значительная экономическая помощь, на политическом уровне демонстрировалось дружеское отношение к китайскому народу. Однако эта стратегия не сработала. Китай воспринял японскую экономическую помощь как «должное», как «расплату за прошлые обиды, нанесённые китайскому народу». С тех пор как в начале 2010-х годов Япония впервые за сорок лет лишилась второй позиции в рейтинге крупнейших экономик мира, уступив это место Китаю, Токио потерял возможность использовать экономический фактор в отношениях с Пекином. Ныне во внешнеторговом обороте Японии торговля с КНР занимает более 20 %, в то время как доля Японии во внешней торговле КНР составляет менее 10 %.

В китайском руководстве и в широких кругах китайской общественности превалирует мнение о том, что Япония искренне не раскаялась за агрессию против Китая. При этом резко негативно, вплоть до прекращения встреч на высшем уровне, Пекин реагирует на посещение японскими главами правительства, министрами, депутатами парламента храма Ясукуни, где «покоятся души» казнённых японских военных преступников, а также на попытки японских политиков и учёных отрицать зверства японской армии в отношении гражданского населения Китая во время агрессивной войны. Внимательно отслеживает Китай и японские меры по наращиванию оборонительных возможностей, выступая с их критикой, а также выражая недовольство укреплением японо-американского военно-политического союза, понимая, что именно «сдерживание» Китая является одной из ключевых стратегических задач этого альянса.

Тем не менее, несмотря на все эти негативные тенденции, периодически приводящие к серьёзным кризисам в двусторонних отношениях, японское правительство осознаёт важность того, чтобы иметь с Китаем, своим могущественным соседом, стабильные и неконфронтационные отношения. В 2018 г. достигнута договорённость о возобновлении обмена визитами на высшем уровне (до этого встречи С. Абэ с председателем КНР Си Цзиньпином проводились только «на полях» международных совещаний и форумов). Это, в свою очередь, сделало возможным визит С. Абэ в Пекин в октябре 2018 г. – первый за семь лет визит японского премьер-министра в Китай, который, хотя и не принёс каких-либо революционных результатов, продемонстрировал, тем не менее, нацеленность сторон на развитие сотрудничества [Hurst, 2018].

По японской инициативе были возобновлены тройственные встречи Япония – КНР – РК. В мае 2018 г. в Токио премьер-министр Японии С. Абэ, премьер-министр КНР Ли Кэцян и президент РК Мун Чже Ин обсудили обстановку на Корейском полуострове и высказались

за сотрудничество в деле денуклеаризации Северной Кореи, рассмотрели вопросы, связанные с перспективами создания трёхсторонней зоны свободной торговли. В рамках встречи была достигнута японо-китайская договоренность об установлении линии горячей связи между вооружёнными силами Японии и Китая, что призвано снизить риск неспровоцированных военных инцидентов и столкновений.

Токио демонстрирует намерение сотрудничать с Пекином и в рамках выдвигаемых последним многосторонних инициатив: так, японское правительство изъявило готовность подключиться к реализации китайской концепции «Один пояс, один путь». Кроме того, Япония стала участником инициированного Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Вместе с тем в плане «стратегического сдерживания» растущих амбиций Китая премьер-министр С. Абэ выступил с идеей создания, как он назвал, «Азиатского демократического бриллианта безопасности». Впервые он высказался за формирование «четвертного союза», объединяющего Японию, Индию, США и Австралию, в своей речи в парламенте Индии еще 22 августа 2007 г. во время своего первого срока на посту премьер-министра. По его задумке, такой союз состоял бы из «самой богатой демократии Азии – Японии, самой многочисленной по населению демократии – Индии, самой большой по территории демократии – Австралии и демократического гегемона – США». Таким образом, «объединялись» бы два океана – Тихий и Индийский [Suzuki, 2016].

Впоследствии, вновь заняв в 2012 г. кресло главы японского правительства, С. Абэ вернулся к идее безопасности и сотрудничества в формате «Индо-Тихоокеанской четвёрки» («Четырёхстороннего диалога безопасности», в англоязычных источниках сокращенно называемого Quad), начав обговаривать свою идею с президентом США Б. Обамой, премьер-министром Индии Н. Моди и премьер-министром Австралии М. Тернбуллом. В Вашингтоне идея С. Абэ понравилась, тем более что и пришедшая к власти в 2017 г. новая американская администрация придерживалась сходных взглядов на приоритеты внешней политики в регионе. На саммите АТЭС в Дананге в ноябре 2017 г. Д. Трамп провозгласил целью своей политики в Азии создание «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона». Вместе с тем нельзя не признать, что указанная идея имеет пока достаточно общий, абстрактный характер, и отношение к ней не только Индии, но и Австралии остаётся неоднозначным.

В Токио отдают себе отчёт в том, что военные потенциалы и возможности Японии и Китая несопоставимы (в Народно-освободительной армии Китая – 3 млн человек, в Силах самообороны Японии – 255 тыс.). Поэтому в плане обеспечения безопасности страны и «сдерживания» Китая в Токио полагают недостаточными предпринимавшиеся до настоящего времени меры по укреплению боеспособности Сил самообороны Японии, и в последнее время на этом направлении были осуществлены дополнительные усилия. Впервые за несколько лет увеличены расходы на оборону (в бюджете на 2016 г. было выделено 48,5 млрд долл., на 2017 г. запрошено 48,6 млрд долл. [Асахи, 2018]). Изменено законодательство, позволяющее теперь японским вооружённым силам действовать в ряде случаев совместно с вооружёнными силами США для отражения угроз японской безопасности вне пределов территории Японии. Продолжился запущенный по инициативе премьер-министра С. Абэ процесс, призванный внести изменения в 9 статью Конституции, запрещающую стране иметь полноценные вооружённые силы.

Запланировано увеличить в сухопутных войсках количество дивизий и бригад быстрого реагирования, в том числе сформировать одно соединение морского десантирования, поставить в военно-морские силы дополнительно 7 эсминцев (сейчас 47), 2 крупных десантных корабля-вертолетоносца (сейчас 2) и 6 подводных лодок (сейчас 16); военно-воздушные силы получают дополнительно 20 штурмовиков (сейчас 340) и 20 истребителей (сейчас 260).

Уже в настоящее время Япония обладает современными, хорошо оснащёнными вооружёнными силами. Однако Силы самообороны не имеют наступательных вооружений – бомбардировщиков, ракет средней и большой дальности, авианосцев, крейсеров и атомных подводных лодок. В то же время Япония располагает самым большим в АТР количеством эсминцев. Приоритеты военной политики Токио наглядно демонстрирует и тот факт, что в последнее время Япония сокращает свою военную группировку на Хоккайдо и переводит войска в южные районы для «противостояния китайской угрозе».

Япония приступила к проведению регулярных учений по отражению нападения на «отдаленные острова». В июне 2013 г. подобные маневры прошли в Калифорнии совместно с американскими морскими пехотинцами. В начале января 2014 г. были проведены учения под названием «Защита островов», в ходе которых японские воздушно-десантные подразделения «освободили захваченные условным противником острова».

Основную надежду на обеспечение безопасности Японии Токио по-прежнему возлагает на японо-американский военно-политический союз, являющийся ключевым элементом японской внешнеполитической стратегии на протяжении всего послевоенного периода. Вместе с тем в японских политических и военных кругах нет уверенности в том, что США выполняют свои обязательства по защите интересов Японии при любых обстоятельствах. Не исключается, что США могут договориться с Пекином и оставить Японию «один на один» с Китаем, а как отмечает авторитетный японский политолог Макото Йокибэ, существует боязнь того, что президент Д. Трамп «предоставит решать проблемы региональным гегемонам – России и Китаю, что будет иметь серьёзные последствия для Японии» [Yokibe, 2016].

Подобная неопределённость не является для японской стороны чем-то новым – страх быть «покинутыми» американскими союзниками перед лицом внешней угрозы существовал в Токио ещё во времена холодной войны, когда главной угрозой в Японии считали СССР. Более того, именно стремление укрепить японо-американский союз и тем самым гарантировать, что в случае внешнего нападения Соединённые Штаты не бросят Японию на произвол судьбы, было ключевой причиной, по которой японское руководство стремилось «увеличить вклад» в военно-политическое сотрудничество с США.

Та же самая логика имеет место и в наши дни, когда политическое руководство и лично С. Абэ на всех встречах с президентом Д. Трампом подчёркивает важность для США «не покидать Японию» и заверяет его в том, что Япония является наиболее важным для США союзником в АТР, а японские Силы самообороны в высокой степени подготовлены к взаимодействию с вооружёнными силами США в регионе.

Свидетельством нацеленности Токио на дальнейшее развитие сотрудничества с Вашингтоном в военной сфере призвана была стать принятая в 2015 г. новая редакция «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области безопасности» – ключевого двустороннего документа, касающегося оперативного взаимодействия

вооружённых сил двух стран [Стрельцов, 2016, с. 26]. И в этом же ключе, как средство повысить уровень обязательств по возможной поддержке США в регионе и мире, имеет смысл рассматривать, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе, инициативу С. Абэ по принятию вступившего в силу в марте 2016 г. пакета законов, известного как «Законодательство об обеспечении мира и безопасности», что открыло путь для участия японских вооружённых сил в коллективной самообороне, пусть и при соблюдении целого ряда ограничений [Добринская, 2016, с. 77–78].

Следует отметить, что территориальный вопрос играет свою негативную роль и в отношениях Японии с Республикой Корея: атмосфера в японо-южнокорейских отношениях периодически обостряется в связи со спором вокруг принадлежности небольших островов Такэсима (кор. Токто), находящихся под административным контролем Республики Корея. Южнокорейская сторона не стесняется наглядно демонстрировать свою позицию в этом споре: в 2012 г. президент Ли Мён Бак первым из руководителей страны посетил эти острова, а южнокорейские самолёты и корабли регулярно проводят масштабные учения в окрестностях островов. Япония, в свою очередь, не признаёт принадлежность островов РК и заинтересована в том, чтобы США поддержали её позицию. Однако Вашингтон предпочитает занимать нейтральную позицию, опасаясь, что, поддержав одного союзника, он серьёзно испортит отношения с другим.

При этом в вопросах исторического прошлого Сеул и Пекин действуют с общих позиций, апеллируя к вине Японии за преступления, совершённые ею в период колониальной экспансии. Так, выступая в Сеульском университете, председатель КНР Си Цзиньпин особо отмечал, что «японские милитаристы вели варварские, агрессивные войны против Китая и Кореи» [Июмиури].

Вторую по значимости угрозу, вслед за китайской, в Токио усматривают в реализации Пхеньяном ракетно-ядерной программы. Япония не признает КНДР, не имеет с этой страной дипломатических отношений, наиболее последовательно исполняет введённые по решению СБ ООН антисеверокорейские санкции и выступает против их снятия до наступления полной уверенности в том, что Пхеньян ликвидировал уже созданное ядерное и ракетное оружие. Но если действия США, нацеленные на «сдерживание» Северной Кореи, неизменно пользуются полной политической поддержкой со стороны Токио [Кистанов, 2017, с. 83], то к исходящим из Вашингтона в адрес Пхеньяна примирительным инициативам японское руководство относится с настороженностью. Так, после встречи Д. Трампа с Ким Чен Ыном в июне 2018 г. в Сингапуре в Японии было проявлено немалое беспокойство тем, что американский президент может ограничиться только требованием отказа Пхеньяна от ядерного оружия и межконтинентальных баллистических ракет, потенциально способных достигнуть американской территории. Для Японии же более актуальна проблема наличия у КНДР большого количества ракет средней дальности, способных поразить цели на Японских островах. В связи с этим министр иностранных дел Японии Коно Таро в начале марта 2018 г. на прошедшей в Вашингтоне встрече с министром обороны США Д. Мэттисом и кандидатом на пост госсекретаря США М. Помпео передал «просьбу» японской стороны, чтобы на встрече с Ким Чен Ыном Д. Трамп потребовал от северокорейской стороны отказаться от ракет средней дальности и решить проблему японских граждан, похищенных северокорейцами в 70-е – 80-е годы XX в.

«Проблема похищенных» в Японии возведена в ранг особо принципиальной, без разрешения которой японское правительство не намерено идти на нормализацию отношений с Пхеньяном. На встрече премьер-министра Дз. Коидзуми с руководителем КНДР Ким Чен Иром в 2002 г. северокорейская сторона признала, что похищение японцев имело место, и пятеро из них вернулись в Японию. Однако японское правительство исходит из того, что были возвращены не все похищенные японцы, и требует предоставления «полной информации об их судьбе».

Именно для противодействия северокорейской ракетной угрозе японское правительство еще с начала 2000-х годов приступило к развертыванию системы ПРО. В настоящее время на территории Японии имеется несколько наземных позиционных районов тактической ПРО с использованием зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» РАС-3 для защиты Токио и прикрытия наиболее важных военных баз. Продолжается оснащение японских эсминцев системой ПРО «Иджис», и количество таких кораблей планируется довести до восьми. Помимо этого, в декабре 2017 г. японское правительство приняло решение о размещении к 2023 г. двух наземных батарей системы «Иджис» (стоимостью около 2 млрд долл.), оснащённых новыми противоракетами Standard Missile-3 Block II, совместно разработанными американскими и японскими компаниями. Как предполагается, эти батареи смогут прикрыть от ракетного нападения всю территорию страны.

При этом вопрос японской ПРО является одной из «болевых точек» в отношениях Токио и Москвы. Россия рассматривает формирование в Японии системы ПРО в качестве азиатского компонента создаваемой США стратегической ПРО и в связи с этим официально выражает своё критическое отношение к таким действиям японского правительства. Начальник Генерального штаба Вооруженных сил России В. Герасимов на встрече с министром обороны Японии И. Онодера в декабре 2017 г. подчеркнул, что озабоченность российской стороны связана с тем, что контроль за наземной системой «Иджис» будет находиться у американских военных [Асахи, 2017]. С японской стороны делаются разъяснения в том плане, что указанная система ПРО разворачивается исключительно в связи с развитием Северной Кореей программы создания ракетно-ядерного оружия, не представляет угрозы соседним с Японией странам, включая Россию, и будет контролироваться полностью Силами самообороны, а не американскими военными (см. интервью министра иностранных дел Японии Т. Коно [Независимая газета]).

Тем не менее, российская сторона продолжает отслеживать размещение на японской территории системы ПРО и дополнительно обращает внимание на то, что пусковые установки «Иджис» могут быть использованы и для запуска ударных крылатых ракет, а это способно изменить обстановку безопасности в Восточной Азии. Особенно актуально это ввиду того, что в Японии рассматривается возможность разработки собственных крылатых ракет большой дальности. Пока же в бюджете на 2018 г. выделено 2,2 млрд иен на закупки крылатых ракет воздушного базирования дальностью 400 км норвежского производства.

В свою очередь Токио внимательно следит за возрастающей активностью российских вооружённых сил на Дальнем Востоке. По мнению японских военных аналитиков, она связана с ухудшением российско-американских отношений и стремлением Москвы создать от Камчатки до Южных Курил линию обороны, которая бы препятствовала свободному проходу американских кораблей, особенно авианосцев, в Охотское море. С этой целью на Курильских островах размещены противокорабельные ракеты «Бал» и «Бастион»,

модернизируются базы на островах Кунашир и Итуруп, где начали дислоцироваться истребители-бомбардировщики Су-35С. По официальным каналам Токио выражает протесты против наращивания российской военной группировки на Южных Курилах, на островах Кунашир, Итуруп и Шикотан, на которые он претендует. При этом подчёркивается, что такие действия серьёзно осложняют процесс переговоров по мирному договору.

Но даже с учётом этого японское правительство не считает, что на данном этапе со стороны России исходит военная угроза для Японии. Формулировки о «российской угрозе» были исключены из программных документов в конце 90-х годов XX в., а японское руководство заинтересовано в поддержании широких контактов и обменов между российскими вооружёнными силами и Силами самообороны, в обмене мнениями по широкому кругу международных проблем, по обстановке в сфере безопасности в Восточной Азии и в АТР в целом.

Так, Токио инициировал проведение на регулярной основе консультаций в формате «2+2», т.е. министров иностранных дел и министров обороны. Подобные консультации Япония проводит только с США и Австралией. Очередные российско-японские консультации состоялись в Москве летом 2018 г. На плановой основе осуществляются обмены визитами военных кораблей двух стран, проведение совместных учений по поиску и спасению на море.

Государственно-правовой фундамент оборонной политики Японии, который заложен в 9 статье японской Конституции, пока остается неизменным, хотя С. Абэ и провозглашает в качестве одной из своих ключевых политических целей пересмотр конституции, с тем чтобы в 9 статью было добавлено положение о существовании Сил самообороны. Тем не менее, успех в этом начинании ему далеко не гарантирован – в немалой степени потому, что в японском обществе сохраняются сильные пацифистские настроения, препятствующие радикальному пересмотру внешней и военной политики. Вместе с тем изменения в региональной обстановке, связанные с возвышением Китая и обострением ситуации на Корейском полуострове, побуждают японское руководство вносить определённые коррективы в основные направления своей политики в сфере обеспечения безопасности страны.

Япония заинтересована в поддержании устойчивого баланса сил в четырёхугольнике Япония – США – Китай – Россия. Токио не хотел бы столкнуться ни с чрезмерным сближением Вашингтона с Пекином, ни с обострением отношений между этими «двумя гигантами». При налаживании разносторонних связей с Москвой ставится задача обезопасить Японию от «китайского давления». Баланс сил в рамках взаимодействия четырёх крупнейших держав региона позволит, по японским расчётам, обеспечить региональную стабильность и безопасность, в том числе и Японии. Одновременно Токио получает возможность повысить свою роль и влияние не только на региональном уровне, но и в мировой политике в целом.

Таким образом, реагируя на претерпевающую существенные изменения военно-политическую обстановку в Северо-Восточной Азии, характеризующуюся, среди прочего, распадом системы однополярного доминирования Соединённых Штатов, и стремясь обеспечить собственную безопасность, официальный Токио предпринимает широкий спектр шагов в военно-политической сфере. Безусловно, японо-американский союз по-прежнему остаётся основой курса Токио в этой сфере и, по всей видимости, останется ею в обозримом

будущем. Но в рамках этого союза и в согласии с его стратегическими целями Япония демонстрирует всё большую готовность к проведению в жизнь собственных внешнеполитических инициатив и «игре на опережение». Наглядным примером этому могут послужить продвижение сотрудничества в формате «Индо-Тихоокеанской четвёрки» или курс на налаживание отношений с Москвой даже в условиях ухудшения отношений России с Западом.

Подобные качественные трансформации внешнеполитического курса затрагивают целый ряд направлений не только двустороннего, но и многостороннего сотрудничества. Достаточно упомянуть, что после выхода США из проекта «Транстихоокеанского партнёрства» (ТТП) именно Япония стала одним из главных инициаторов нового варианта этого соглашения, получившего название ТТП-11, или «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнёрства» (ВПТТП). А потому вполне можно говорить, что японская внешняя политика, в адрес которой на протяжении послевоенных десятилетий неоднократно звучали упреки в пассивности [Calder, 1988] и в безынициативном следовании за политикой Вашингтона, претерпевает пусть и постепенные, но фундаментальные изменения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асахи симбун. 12.12.2017.

Асахи симбун. 10.08.2018.

Гордеева И.В. Территориальные споры в Южно-Китайском море и позиция Японии // Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXXI. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 91–109.

Добринская О.А. Законодательство об обеспечении мира и безопасности: глобальное, региональное и национальное значение // Япония 2016. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 61–78.

Иомиури симбун. 05.07.2014.

Кистанов В.О. Ракетно-ядерная проблема Северной Кореи и Япония // Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXXI. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 81–90.

Кокка андзэн хосё: сэнряку ни цуитэ : [О стратегии национальной безопасности]. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/pdf/security_strategy.pdf (дата обращения: 03.11.2018). (На яп.).

Независимая газета. 30.07.2018.

Панов А.Н. О Японии. Очерки и исследования дипломата. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 608 с.

Стрельцов Д.В. Политика Японии в сфере военной безопасности при кабинетах С. Абэ: новые подходы // Проблемы Дальнего Востока. № 3. 2016. С. 21–31.

Хэйсэй 26 нэндо ико: ни какавару бо:эй кэйкаку но тайко: ни цуитэ : [О руководящих принципах программы национальной обороны на период с 2014 финансового года]. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217.pdf> (дата обращения: 03.11.2018). (На яп.).

Calder K. Japanese Foreign Economic Policy Formation: Explaining the Reactive State // World Politics, Vol. 40, No. 4 (Jul., 1988). С. 517–541. DOI: 10.2307/2010317.

Hurst D. Abe Wants 'New Era in China-Japan Relations // *The Diplomat*. 26.10.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/10/abe-wants-new-era-in-china-japan-relations/> (дата обращения: 03.11.2018).

Iokibe M. Revive U.S. sense of responsibility toward world order // *The Mainichi*. 11.11.2016. URL: <http://mainichi.jp/english/articles/20161111/p2a/00m/0na/024000c> (дата обращения: 02.11.2018).

Krauthammer C. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. №70, вып. 1. С. 23–33. DOI: 10.2307/20044692.

Suzuki Y. Abe's Indo-Pacific Security Diamond Begins to Shine // *Sasakawa USA*. 22.02.2016. URL: <https://spfusa.org/nippon-com/abes-indo-pacific-security-diamond-begins-to-shine/> (дата обращения: 01.11.2018).

REFERENCES

Asahi Shimbun, 12 December 2017.

Asahi Shimbun, 10 August 2018.

Calder, K. (1988). Japanese Foreign Economic Policy Formation: Explaining the Reactive State, *World Politics*, 40(4): 517–541. DOI: 10.2307/2010317

Dobrinskaya, O.A. (2016). Japan's Legislation for Peace and Security: its Global, Regional and National Significance, *Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*, Moscow: AIRO-XXI: 61–78. (In Russian).

Gordeeva, I.V. (2017). Territorial disputes in the South China Sea and the Position of Japan, *Aktual'nyye problemy sovremennoy Yaponii [Actual problems of modern Japan]*, Issue XXXI. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS: 91–109. (In Russian).

Heisei 26 nendo iko: ni kakawaru bo:ei keikaku no taiko: ni tsuite [On the National Defense Program Guidelines for FY2014 and beyond]. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217.pdf> (accessed: 3 November 2018). (In Japanese).

Hurst, D. (2018). Abe Wants 'New Era in China-Japan Relations. *The Diplomat*. 26 October, URL: <https://thediplomat.com/2018/10/abe-wants-new-era-in-china-japan-relations/> (accessed: 3 November 2018).

Iokibe, M. (2016). Revive U.S. sense of responsibility toward world order // *The Mainichi*. 11 November, URL: <http://mainichi.jp/english/articles/20161111/p2a/00m/0na/024000c> (accessed: 2 November 2018).

Kistanov, V.O. (2017). The Problem of Rocket-Nuclear Weapons of North Korea and Japan, *Aktual'nyye problemy sovremennoy Yaponii [Actual problems of modern Japan]*, Issue XXXI. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS: 81–90. (In Russian).

Kokka anzen hoshō: senryaku ni tsuite [On the National Security Strategy], URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/pdf/security_strategy.pdf (accessed: 3 November 2018). (In Japanese).

Krauthammer, C. (1990). The Unipolar Moment, *Foreign Affairs*, 70(1): 23–33. DOI: 10.2307/20044692

Nezavisimaya Gazeta, 30 July 2018. (In Russian).

Panov, A.N. (2014). О Японии. Очерки и исследования дипломата [On Japan. A diplomat's essays and studies], Moscow: OLMA Media Grupp. (In Russian).

Streltsov, D.V. (2016). Japan's Policy in the Field of Military Security Pursued by the Abe Governments: New Approaches, *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], Is. 3: 21–31. (In Russian).

Suzuki, Y. (2016). Abe's Indo-Pacific Security Diamond Begins to Shine. *Sasakawa USA*, February 22, URL: <https://spfusa.org/nippon-com/abes-indo-pacific-security-diamond-begins-to-shine/> (accessed: 1 November 2018).

Yomiuri Shimbun, 5 July 2014.

Поступила в редакцию 05.11.2018

Received 5 November 2018

Для цитирования: Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские исследования. 2018. №4. С. 78–91. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

For citation: Panov A.N., Nelidov V.V. (2018). Vneshnyaya politika Yaponii v kontekste voyenno-politicheskoy obstanovki v Severo-Vostochnoy Azii [Japan's foreign policy in the context of military-political situation in North East Asia], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2018, 4: 78–91. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029